

«Мне видится мое селенье»

ЗАХАРОВО

...Нетерпение вновь увидеть места, где провел я лучшие свои годы, так сильно овладело мной, что я по минутно позоял моего ящика...
А. С. Пушкин

Неподалеку от подмосковной станции Голицыно приютилось небольшое село Захарово. Когда-то принадлежало оно бабушке А. С. Пушкина Марии Алексеевне Ганнибал. Александр Юрьевич Пушкин, двоюродный дядя поэта, писал, что Захарово было куплено М. А. Ганнибал у генеральши Тиньковой. Во времена Бориса Годунова деревня принадлежала Богдану Камынину.

Здесь Пушкин провел детство, об этом месте с любовью и нежностью вспоминал он в зрелые годы.

С 1806 года родители Пушкина, обычно постоянно жившие в Москве, каждое лето приезжали в Захарово, и с ними до 12-летнего возраста бывал здесь будущий поэт.

Усадьба живописно располагалась на довольно высоком холме. Вниз к пруду спускался липовый парк. А кругом — поля, рощи, стрельчатый еловый лес, замыкающий горизонт. Ровный луг, открытое взгорье, величавые сосны — именно это открывалось взору Пушкина. И не отсюда ли частица величавой простоты и тихой скромности его деревенских стихов? Ведь впечатления детства и юности неизгладимы, они навечно западают в сердце.

Старый барский дом с двумя флигелями, в одном из которых жили дети Пушкина с ня-

ней, гувернерами и другой прислугой, давно исчез с лица земли, как исчезла и березовая роща, примыкавшая к парку. А когда-то посреди этой рощи стоял стол, окруженный скамьями. Здесь в погожие летние дни Ганнибалы обедали и пили чай. Маленький Пушкин любил эту рощу и даже, как вспоминают современники, говорил, что желает быть в ней похороненным. Он говорил об этом повару своей бабушки, к которому питал сильную привязанность, видимо, оттого, что тот был человек словоохотливый и бойкий. Впоследствии он убежал в Польшу и сделался из Александра Фролова паном Мартыном Колесницким. Быть может, именно этот эпизод пришел на память поэту, когда он описывал в «Борисе Годунове» бегство Гришки Отрепьева.

На берегу пруда, возле самой воды, под ветвями огромной липы часто играл и отдыхал юный Пушкин. Здесь впервые заслушался он русской песней. Свадебно-обрядовые песни этих мест, записанные примерно через восемьдесят лет после того, как их мог слышать поэт, поражали знатоков истинно былинной силой, образностью, чистой русской поэзией. Под Москвой существовали тогда удивительно самобытные уголки. Там бытовали свои поверья, обряды, сохранившиеся в полной чистоте от глубокой старины. Таким было и Захарово.

«Пушкины постоянно жили в Москве, — писал С. П. Шевырев, неоднократно бывавший по соседству с Захаровом в селе Вяземы, — но на лето уезжали в деревню Захарьино, верстах в сорока от Москвы, принадлежавшую родственникам Надежды Осиповны. Это сельцо теперь принадлежит помещице Орловой. Здесь Пушкин проводил первое свое детство до 1811 года. Старый дом, где они жили, срыт, уцелел флигель. Местоположение хорошее. Указывают несколько берез, и на некоторых вырезаны надписи, сделанные, по словам теперешнего владельца Орлова, самим будто Пушкиным, но это, должно быть, выдумка, потому что большая часть надписей — явно новые. Особенно заметить следует, что деревня была богатая: в ней раздавались русские песни, устраивались праздники, хороводы, и, стало быть, Пушкин имел возможность принять народные впечатления. В сельце до сих пор живет женщина Марья, дочь знаменитой няни Пушкина, выданная за здешнего крестьянина. Эта Марья с особенным чувством вспоминает о Пушкине, рассказывает о его доброте, о подарках ей, когда она прихаживала к нему в Москву...»

В Захарове няня поэта Арина Родионовна, муза юности Пушкина, сказывала ему былины, сказки, которые затем нашли отзвук в его творчестве.

Здесь же Мария Алексеевна Ганнибал, женщина незаурядная, первая истинная воспитательница юного Александра, вспоминала семейные предания, историю знаменитого арапа Петра Великого.

В лицейском стихотворении Пушкина «Сон» слились воедино образы бабушки и няни, навеянные детскими, захаровскими воспоминаниями:

*Ах! умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, душой молитвой уклоня,*

*С усердием перекрестит меня
И шепотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...
От ужаса не шелознусь бывало,
Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы.
Под образом простой ночник из глины
Чугур освещал глубокие морщины,
Драгой антик, прабабушкин чепец
И длинный рот, где зуба два стучало,—
Все в душу страх невольный поселяло.
Я трепетал — и тихо, наконец,
Томленья сна на очи упало.
Тогда толпой с лазурной высоты
На ложе роз крылатые мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сон обворожали,
Терялся я в порыве сладких дум;
В глуши лесной средь муромских пустыней
Встречал лихих Полканов и Добрыней,
И в вымыслах носился юный ум...*

Конечно, не в одном Захарове слагалось представление Пушкина о деревенской России — есть места и более значительные: Михайловское, Тригорское, Болдино, но стоит лишь побывать в Захарове, еще ближе станут и многие страницы творчества Пушкина.

Мало где в России испытываешь чувство такой светлой радости и такой грусти, как в Захарове. Именно здесь прикасаешься к истокам истинной поэзии, корни которой в родной земле, в ее истории, в ее людях, их обычаях и судьбах.

*Мне видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
С заборами в реке волнистой,
С мостом и рощею тенистой
Зерцалом вод отражено.
На холме домик мой; с балкона
Могу сойти в веселый сад,
Где вместе Флора и Полона
Цветы с плодами мне дарят,
Где старых кленов темный ряд
Возносится до небосклона,
И глухо тополя шумят.
Туда зарею поспеваю
С смиренным заступом в руках,
В лугах тропинку извиваю,
Тюльпан и розу поливаю —
И счастлив в утренних трудах...*

Так писал молодой Пушкин в 1815 году в стихотворении «Послание к Юдину», по поводу которого В. Брюсов замечал: «Если зимой, в доме отца, в обществе лучших писателей того времени, Пушкин с ранних лет стал увлекаться литературой, то летом, в деревне бабушки, он уже ребенком сжился с русской народной жизнью. В Лицей Пушкин поступил, как это видно из его стихотворений, с большим запасом знаний по литературе. «Послание к Юдину» показывает, что в душе его был не меньший запас живых впечатлений, воспринятых в русской деревне». И той деревней было Захарово.

Часто Пушкина возили в соседнее поместье князей Голицыных — Большие Вяземы. Даже по тому, что сохранилось в них сейчас, можно сказать, что это один из самых поэтических уголков Подмосковья. Невдалеке от двухэтажного дома XVIII века стоит церковь с чудесной звонницей, которые относят к кон-

цу XVI века. В ограде церкви — небольшой памятник-колонна на могиле младшего брата Пушкина, Николая, умершего в 1807 году. «Под сим камнем покоится Николай Сергеевич Пушкин» — вырезано на сером известняке.

Когда-то Большие Вяземы были вотчиной Бориса Годунова, позднее в селе бывал Дмитрий Самозванец. Здесь в Смутное время по пути из Польши в Москву останавливалась Марина Мнишек со своей блестящей свитой. Сохранилось описание Больших Вязем как раз того времени, когда Пушкин бывал там. «Это село отличалось каменным господским домом с регулярным садом и прекрасно окружающими селение рощами. А паче обратила на себя внимание наше в Вяземах церковь каменная о двух ярусах, довольно великая, строения еще Бориса Годунова... Примечательного в ней усмотрели мы, что в церкви на стенах в некоторых местах на подмазке вырезаны или начертаны были ножичком или каким другим острым орудием слова польским языком, а литерами латинскими, кои мы разобрать не смогли, однако видны изображения цифирью — 1611, 1618 и 1620 годы и некоторые имена польских панов».

Здесь входила в жизнь юного Пушкина история, он слышал в Вяземах старинные предания о Борисе Годунове, Гришке Отрепьеве, Марине Мнишек, и когда впоследствии он встретил название годуновского села в рассказах Карамзина о подмосковных воинских потехах Самозванца и о приближении Марины Мнишек к Москве по Старой Смоленской дороге, то мог дополнить картину собственными воспоминаниями о Вяземах.

Н. М. Карамзин пишет в своей «Истории» об одном из эпизодов Смутного времени, связанном с Вяземами: «Лжедмитрий действовал как и прежде: ветрено и безрассудно; то желал снискать любовь Россиян, то умышленно оскорблял их. Современники рассказывают следующее происшествие: «Он велел сделать зимою ледяную крепость близ Вязем, верстах в тридцати от Москвы, и поехал туда со своими телохранителями, с конною дружиною ляхов, с боярами и лучшим воинским дворянством. Россиянам надлежало защищать город, а немцам взять его приступом; тем и другим вместо оружия дали снежные комы. Начался бой, и Самозванец, предводительствуя немцами, первый ворвался в крепость; торжествовал победу, говорил: «Так возьму Азов» — и хотел нового приступа. Но многие из Россиян обливались кровью: ибо немцы во время схватки, бросая в них снегом, бросали и камнями. Сия худая шутка, оставленная даром без наказания и даже без выговора, столь озлобила Россиян, что Лжедмитрий, опасаясь действительной сечи между ими, телохранителями и ляхами, поспешил развести их и возвратился в Москву».

Работая в михайловской ссылке над трагедией «Борис Годунов», поэт не раз обращался в мыслях к местам, где прошло его детство. Например, в одной из сцен, указывая Григорию дорогу на Литву, хозяйка корчмы перечисляет названия деревень, расположенных близ Больших Вязем: «Вот хоть отсюда свороти влево, да бормом иди по тропинке до часовни, что на Чеканском ручью, а там прямо через болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево...»

Пушкиным так полюбилась их подмосковная, что, возможно, никогда они не расстались бы с ней, если бы матери поэта, Надежде Осиповне, не перешло по наследству вконец расстроенное село Михайловское. И Захарово было продано в 1814 году, а вскоре тройка лошадей уносила в северную столицу, в Царскосельский лицей, юного Александра Пушкина.

Он не забыл Захарово и часто мечтал побывать там. Но сумел посетить Захарово Пушкин лишь через 19 лет, незадолго до свадьбы с Н. Н. Гончаровой. Часто перед решительным поворотом судьбы человек стремится на милое пенелиде, чтобы в спокойной сосредоточенности подвести итог прожитому.

«Вообрази, он совершил летом сентиментальное путешествие в Захарово, — писала мать Александра Сергеевича дочери Ольге, — отправился туда один, лишь бы увидеть место, где провел несколько годов своего детства». Грустным было это посещение.

Поэт Н. В. Берг записал рассказ дочери няни Пушкина Арины Родионовны Марии Федоровны, выданной замуж за одного из захаровских крестьян, о последнем приезде Пушкина в Захарово: «...А вдругоюя он приезжал ко мне сам, перед тем как вздумал жениться: Я, говорит, Марья, невесту сосватал, жениться хочу... и приехал это не прямо по большой дороге, а задами; другому оттуда не приехать: куда он поедет? — в воду на дно! А он знал... Уж оброс это волосками тут (показывает на щеки); вот в этой избе у меня сидел, вот тут-то... а в третий-то раз я опять к нему ходила в Москву.

— Когда ж он у тебя здесь был? В каком году, не помнишь?

— Где нам помнить! Вот моей дочке теперь уж двадцать второй год будет, ей был тогда, надо быть, седьмой либо шестой годок...

— Когда ж он — летом приезжал или зимой?

— Летом, батюшка; хлеб уж убрали, так это под осень, надо быть, он приезжал-то... я это сижу; смотрю: тройка! Я так... а он уж ко мне в избу-то и бежит... наше крестьянское дело, известно уж — чем, мол, вас, батюшка, угощать-то я стану? Сем, мол, яишенку сделаю! Ну, сделай, Марья! Пока он пошел это по саду, я ему яишенку-то и сварила; он пришел, покушал... все наше решилося, говорит, Марья; все, говорит, поломали, все заросло! Побыл еще часика два — прощай, говорит, Марья! Приходи ко мне в Москву! А я, говорит, к тебе еще побываю... сели и уехали!..» Но он уезжал из Захарова, чтобы никогда туда более не вернуться.

Впечатления от «сентиментального путешествия» отозвались в написанной осенью того же 1830 года повести «История села Горюхина», герой которой едет в усадьбу, где провел детство; еще в другой «болдинской» повести — «Барышня-крестьянка» — вспоминает Пушкин о Захарове.

Существует прекрасная традиция — считать святынями все связанное с жизнью светлого гения русской поэзии — Пушкина. И можно перечислить немало примеров того, как любовно сохраняется память о нем в северном псковском крае, и в южной Молдавии, на Кавказе и в Верхневолжье, где созданы прекрасные музеи поэта. Любовь должна быть действенна — эта истина непреложно относится и к

памятникам истории и культуры нашей Родины. Увы, Захарово — колыбель Пушкина — находится сейчас на отрицательном полюсе феномена «крайности забвения и крайности славы».

Да, в Захарове с недавних пор стали проводиться Пушкинские праздники, открыта там на общественных началах небольшая выставка, но не такая судьба должна быть у места, связанного с детством русского гения. Об этом прямо и честно говорили в диалоге «Память истории священна» академик Д. С. Лихачев и директор Государственного музея А. С. Пушкина М. М. Баринов несколько лет назад. Так как практически ничего, несмотря на заверения многих организаций, ответственных за охрану памятников истории и культуры, в подмосковном Захарове не изменилось, приведем отрывки из этой беседы:

М. Баринов: Если говорить о создании благоприятного социального климата уважения к памятникам культуры, бережного к ним отношения как о главной задаче деятельности ВООПИК, то «антипримеры» можно найти совсем недалеко от Москвы. Хотелось бы поговорить в связи с этим о пушкинском комплексе «Захарово — Вяземы».

Д. Лихачев: Тем более что это единственное под Москвой пушкинское место такого значения... Насколько мне известно, в Вяземах, в Захарове нет ни государственного музея, ни заповедника, но люди со всей страны знают это место, посещают его, так сказать, «голосуют ногами» за создание пушкинского заповедника под Москвой.

М. Баринов: И Захарово, и Вяземы находятся сейчас в плачевном состоянии. Собор в вяземском имении реставрируется уже более тридцати лет...

Тяжелые автомобили губят старинный парк, видевший Пушкина. Многие деревья уже высохли, а техника продолжает свое дело: выхлопными газами и колесами.

Д. Лихачев: Что же, вот вам печальный пример равнодушного отношения «пользователей», местного населения, местных властей к памятникам, расположенным, так сказать, у себя дома. Поистине, «нет пророка в своем отечестве!»... А они должны в полной мере осознать, что им выпало великое счастье, что именно на их земле есть такое место — Захарово, есть Вяземы!

Знаете, я убежден, что если местные власти не сознают ценности и значения памятника, который находится на их земле, то го-

раздо активнее должны воздействовать на них государство, Министерства культуры РСФСР и СССР, специалисты, общественность... Борьба с чиновниками и бюрократами, если надо, борьба непрерывная и до победного конца — это и есть первая и основная обязанность органов ВООПИК, в данном случае в проблеме Захарово — Вяземы».

Состояние пушкинских мест в Захарове явственно свидетельствует о некомпетентности и равнодушном отношении к своим прямым обязанностям тех, кто по долгу службы должен отвечать за памятники истории и культуры. Можно привести целый ряд печальных примеров только в одной Московской области, чтобы доказать, что дело о сохранении памятников истории и культуры у нас поставлено плохо, несмотря на все заверения, выступления и отчеты. Только в последние годы практически погиб дом А. И. Герцена в Покровском-Засекине, находящийся, кстати, в том же Одинцовском районе Подмосквы, что и Захарово; в Клинском районе разрушена усадьба Бабайки, где жил изобретатель радио А. С. Попов и откуда был проведен первый наземный сеанс радиосвязи. В нем участвовал Д. И. Менделеев, принимавший сигналы передатчика в своей находящейся неподалеку усадьбе Боблово. Само Боблово, любимое гениальным Д. И. Менделеевым, находится в таком ужасном состоянии, что просто стыдно входить в сень его гибнущего парка. Под видом реставрации разрушено знаменитое Мураново, связанное с именами Баратынского и Тютчева. Вот уже два десятилетия не может быть восстановлено Шахматово Александра Блока, испытывающее теперь не столько человеческое забвение, сколько бесконечное бюрократическое равнодушие. Забыта-заброшена, используется не как замечательный памятник культуры подмосковная усадьба Середниково, буквально напоенная поэзией Михаила Юрьевича Лермонтова. И в этом грустном перечне занимает одно из первых мест Захарово.

Поэт любил Захарово, страну своего долицейского детства, где впервые узнал крестьянскую Россию; не раз вспоминал и писал о нем — этого достаточно, чтобы решить наконец судьбу места, где была подмосковная усадьба Ганнибалов, с тем бережным вниманием и заботой, которые достойны памяти Александра Сергеевича Пушкина.

Вл. Вельяшев

